

и возложить на слабыхъ всю заботу о жилищѣ, одеждѣ и пищѣ для нихъ, сильныхъ, и тогда сильные стали тосковать отъ бездѣлья и праздности. Но какъ же люди не тосковали отъ бездѣлья и праздности, когда никому изъ нихъ не надо было ни о чемъ заботиться, ни о жилищѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ; что тогда дѣлали люди, чѣмъ тогда они занимались; въ чемъ тогда заключалась цѣль и смыслъ жизни людей?! Въ писаніи говорится, что Богъ создалъ міръ, создалъ и человѣка, существо разумное, которому и поручилъ управленіе міромъ, управленіе тѣми силами, отъ которыхъ зависитъ жизнь самого человѣка. При такой задачѣ не могло быть, конечно, вопроса, что человѣку дѣлать, никакой тоски отъ праздности у людей быть не могло, и трудъ управленія силами, отъ которыхъ зависитъ жизнь людей, могъ бы ихъ объединить, конечно; этотъ трудъ могъ бы сдѣлаться и радостнымъ и для всѣхъ желаннымъ, такъ какъ избавлялъ бы всѣхъ отъ смерти. Но по младенчеству, по младенческому легкомыслію люди не исполнили божественной заповѣди объ управленіи, и такимъ образомъ, сами себя предали смерти, которой Богъ не создавалъ; какъ говорится въ писаніи. По легендѣ же Толстого это представляется иначе: люди были созданы такъ, что имъ нечего было дѣлать, ихъ жизнь не имѣла ни смысла, ни цѣли, и такая безцѣльная и бессмысленная жизнь не могла не сдѣлаться въ концѣ концовъ невыносимую и потому самъ Богъ положилъ ей предѣлы, опредѣливъ, что всякій, прожившій сто лѣтъ, долженъ умереть. Такимъ образомъ, и въ этой легендѣ Толстой остался такимъ же поклонникомъ смерти, какъ въ первыхъ двухъ, потому что не знаетъ ни цѣли, ни смысла жизни человѣческой,

Когда же люди показали себя столь жестокосердыми, что сильные убивали однихъ и угрозою смерти принуждали другихъ служить себѣ,—какъ можно было рассчитывать на милосердіе людей другъ къ другу въ томъ случаѣ, если будутъ насланы на нихъ болѣзни. Какъ было не догадаться, что забравшіе себѣ власть и въ случаѣ своей болѣзни заставятъ подчиненныхъ ухаживать за ними, власть имѣющими, а сами, въ случаѣ болѣзни подчиненныхъ имъ, ухаживать за ними не будутъ. Для кого все это писалъ графъ Толстой? Неужели же онъ думаетъ, что не найдется никого, кто-бы разобрался во всемъ томъ вздорѣ, который онъ нагородилъ въ его легендахъ?! И не вздоръ ли все его ученіе о непротивленіи, которое въ сущности есть призывъ къ величайшему противленію,—къ неплатежу податей, къ неисполненію всякаго рода повинностей, безъ которыхъ невозможно существованіе общества, невозможно единеніе людей, потому что всѣ эти повинности вызваны заботою о всѣхъ вообще, въ противоположность заботы каждаго лишь о себѣ.

А что значитъ:—*это* „люди долго жили, не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми“ „въ виду угрожающей каждому ежечасно смерти“, т. е. не смотря на то, что каждому ежечасно грозитъ смерть.. Возможно ли быть счастливыми приговореннымъ къ смертной казни, въ виду этой казни, которая ежечасно надъ каждымъ можетъ совершиться?! И можетъ ли дѣло всякаго изъ этихъ приговоренныхъ заключаться въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно (!) провести предназначенное (но ему неизвѣстное) до казни время?! И почему болѣзни этихъ обреченныхъ смерт-